

– ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ. ЛИТЕРАТУРНАЯ КРИТИКА –

УДК 821.512.157-3Макеев.09

DOI 10.25587/2782-6635-2024-2-5-18

Художественная проза Даниила Макеева*А. А. Бурцев* ✉, *М. А. Бурцева*

Северо-Восточный федеральный университет им. М.К. Аммосова, г. Якутск, Россия

✉ anatoly_burtsev44@mail.ru

Аннотация. Д. Макеев первым в якутской литературе обратился к самой трагической стороне темы Великой Отечественной войны – судьбе военнопленных. В повести «Предатель» раскрывается история якутского солдата Тарабукина, прошедшего через штрафную роту и сумевшего сохранить честь и достоинство. Еще более остро трагическая судьба человека, на долю которого выпали смертельные испытания и чудовищные унижения плена, раскрыта в повести «Предназначение судьбы». По сравнению с повестью «Предатель» автор углубил в ней психологическую сторону состояния личности, много раз оказывавшейся на волосок от смерти. Повесть имеет сложную композицию и строится как воспоминания ветерана войны, который на склоне лет перебирает в памяти эпизоды окружения, радость освобождения и перипетии послевоенной жизни с клеймом человека, побывавшего в немецком плену. Еще в одной повести «Братья» Д. Макеев поведал о военной одиссее трех родных братьев, благополучно вернувшихся с фронта. Что касается рассказов писателя, то бросается в глаза разнообразие внутрижанровых типов в его малой прозе, умелое сюжетостроение, основанное на принципе испытания героев, использование традиций зарубежной и русской литературы в создании характеров, богатый арсенал изобразительно-выразительных средств. В целом талантливо написанные повести и рассказы Д. Макеева дают основание полагать, что он может создать крупные эпические произведения на тему Великой Отечественной войны, которая в свете событий последнего времени стала актуальной.

Ключевые слова: тема плена, штрафная рота, песня «Лыжная», воспоминания-рефлексии, художественное время, натуралистический эпизод, принцип испытания, типология малых жанров, сюжетостроение, донкихотовская традиция, «маленькие» герои, художественная система.

Для цитирования: Бурцев А. А., Бурцева М. А. Художественная проза Даниила Макеева. *Вопросы национальных литератур*. 2024, № 2 (14). С. 5–18. DOI 10.25587/2782-6635-2024-2-5-18

Fiction by Danil Makeev*A. A. Burtsev* ✉, *M. A. Burtseva*

M.K. Ammosov North-Eastern Federal University, Yakutsk, Russia

✉ anatoly_burtsev44@mail.ru

Abstract. Danil Makeev was the first in Yakut literature to turn to the fate of war prisoners, the most tragic side of the World War II theme. The story “The Traitor” reveals the story of Yakut soldier Tarabukin, who went through a penal company and managed to maintain his honor and dignity. The even more acutely tragic fate of a man who suffered mortal trials and monstrous humiliations of captivity is revealed in the story “The Destiny of Fate.” Compared to the story “The Traitor,” the author deepened in it the psychological side of the state of the individual, who many times found himself on the brink of death. The story has a complex composition and is structured like the memoirs

of a World War II veteran who, in his declining years, recalls the episodes of the environment, the joy of liberation and the vicissitudes of post-war life with the stigma of a person who was in German captivity. In another story, “Brothers,” Makeev tells about the military “odyssey” of three siblings who returned safely from the front. As for the writer’s stories, what is striking is the variety of intra-genre types in his short prose, skillful plot construction based on the principle of testing heroes, the use of traditions of foreign and Russian literature in creating characters, and a rich arsenal of visual and expressive means. In general, Makeev’s talentedly written novels and short stories give reason to believe that he can create major epic works on the theme of the Great Patriotic War, which in the light of recent events has gained new relevance.

Keywords: theme of captivity, penal company, song “Skis”, memories-reflections, artistic time, naturalistic episode, testing principle, typology of small genres, plot construction, quixotic tradition, “little” heroes, artistic system.

For citation: Burtsev A. A., Burtseva M. A. Fiction by Danil Makeev. *Issues of national literature*. 2024. No 2 (14). Pp. 5–18. DOI 10.25587/2782-6635-2024-2-5-18

Введение

Член Союза писателей России и Якутии, заслуженный журналист Республики Саха (Якутия) Данил Николаевич Макеев родился в 1964 г. в Усть-Алданском районе. После окончания Тандинской средней школы работал в родном улусе, служил в армии. В 1990 г. окончил филологический факультет Якутского государственного университета и продолжил трудовую деятельность в качестве учителя в школах Усть-Алданского и Вилюйского районов. Карьеру журналиста начал в Усть-Алданской районной газете «Мүрү саһарҕата» (Мюрюнские зори), затем стал корреспондентом республиканской газеты «Кыым», редактором молодежного приложения «Эдэр саас» к газете «Саха Сирэ». В 2015 г. назначен главным редактором литературного журнала «Чолбон».

Первый сборник рассказов («Кэпсээннэр») вышел в 2003 г. За ним последовали книги: «Проклятый клад» («Кырыыстаах кылаат», 2008), «Одиноким свидетель войны» («Атырдьах сэргэ», 2014), «Глаза лошади» («Ат хараҕа», 2016), «Встреча в пламени войны» («Кыргыс толоонугар көрсүһүү», 2022).

Жанрово-тематические особенности прозы Д. Макеева

Д. Макеева отличает своеобразная авторская манера. На первый взгляд, он исповедует очень простой стиль, но это особая простота, напоминающая манеру известного якутского писателя В. Яковлева, у которого был девиз:

<i>Дьиктилээххэ</i>	<i>В необыкновенном</i>
<i>Эн көрдүү сатаама</i>	<i>Не ищи</i>
<i>Дьиктини –</i>	<i>Необыкновенное –</i>
<i>Биллэн турар, булуон</i>	<i>Разумеется,</i>
<i>Кинини.</i>	<i>Найдешь его.</i>
<i>Эн суруйан көр</i>	<i>Ты попробуй</i>
<i>Саамай көннөрү туһунан</i>	<i>Написать просто</i>
<i>Көһнөрү...</i>	<i>О самом простом...</i>

А по своим жанровым пристрастиям Д. Макеев близок к Н. Габышеву. Он тоже выступает исключительно как прозаик, имея в своем активе несколько повестей и многочисленные рассказы. Как-то Н. Габышев предложил С. Руфову, питавшему пристрастие к малым поэтическим формам, попробовать себя в крупном эпическом жанре и получил шутливый ответ:

*...А вот советуешь ты мне
Поэму грохнуть в тишине.
Скажи – на кой черт мне она,
Когда стихи в устах кипят –
Пусть вместо одного слона
Имеют тысячу слонят!*

Впрочем, у Д. Макеева есть все предпосылки для создания романа. В частности, он давно и очень глубоко исследует тему Великой Отечественной войны. Эта тема раскрывается в повестях «Предатель» («Таннарыхсыт»), «Предназначение судьбы» («Огоһуу»), «Братья» («Ини-биилэр») и целом ряде рассказов. Многие произведения Д. Макеева имеют реальную жизненную основу, то есть относятся к историко-документальной «жанровой генерализации» [1].

Вообще в якутской литературе Великой Отечественной войне посвящены главным образом поэтические произведения участников и очевидцев тех трагических событий. Кроме того, известны повести и рассказы Т. Сметанина, И. Никифорова, С. Данилова, С. Никифорова и некоторых других авторов. Эта тема и сейчас продолжает волновать писателей, которые открывают в ней новые аспекты и проблемы.

Д. Макеев одним из первых в якутской литературе обратился к самой больной, самой трагической стороне военной темы – судьбе военнопленных. В русской литературе XIX в. этой темы коснулся сам Л. Толстой в «Войне и мире»: вспомним Петю Ростова, испытывающего искреннюю жалость к оказавшемуся в плену юному французу-барabanщику; подлинный гуманизм проявили к нему и русские офицеры, которые привезли пленника в Париж и сдали с рук на руки матери. Гуманистическая традиция классической литературы в освещении проблемы военнопленных сохранилась и в творчестве советских писателей. Так, в рассказе М. Шолохова «Судьба человека», как и у Л. Толстого, война не только предстала в своем подлинном трагизме, но и выявила силу духа русского солдата, сумевшего сохранить честь и достоинство, свою душу в тяжелейших обстоятельствах. А. Твардовский тоже коснулся темы плена, но сделал акцент на несколько другой стороне проблемы. В поэме «Дом у дороги» поэт поведал о трагической судьбе семьи Сивцевых – Андрея, попавшего в окружение, его жены Анны, насильно угнанной на чужбину, – как и многих других людей, несправедливо объявленных изменниками Родины, оказавшихся вне закона, не удостоенных ни наград, ни признания после Победы.

В первой части документально-художественной повести Д. Макеева «Предатель» на основе архивных материалов и биографических источников раскрываются этапы военной карьеры и история предательства генерала А. Власова. Автор противопоставляет генералу-изменнику мужественного майора Распутина, который выводит из окружения остатки своего полка, но сам погибает, не согласившись с обвинением в измене, выдвинутым сотрудниками Особого отдела. Среди немногих солдат, целый месяц с боями выбиравшихся из окружения, оказались якут Тарабукин и русский Железнов, которого Мэхээлэ спас от верной гибели в последнем бою. Тогда, в июле 1942 г., был издан знаменитый приказ № 227, содержавший призыв «Ни шагу назад!» и предписывавший создание отдельных частей из провинившихся военнослужащих. Эти подразделения действовали на самых опасных участках фронта и потому несли большие потери. Но, вопреки распространенному мифу, штрафники не были пушечным мясом и воевали плечом к плечу с регулярными войсками. Железнов и Тарабукин вместе попали в штрафную роту и оказались в огненном пекле переднего края. Вот как автор описал первую бомбардировку, которую они испытали:

«Үрдүлэринэн баһаам үгүс үөрдээх чооруос чыычаах ааһарыныы буулдьа тыаһа чубугуруу туспутэ... Сир ийэ инэ мэктиэтигэр өрүтэ кэдэнгэлээн ыларга дылыта... [2, с. 25]. Мэхээлэ кулгааҕа куп-куугунаһа, хараҕа ирим-дьири буолбут этэ» [2, с. 27].

Во вторую часть повести вводится ретроспектива: после призыва на фронт взрослых мужчин во главе с председателем колхоза его вынужден был заменить юный 17-летний Мэхээлэ, который до войны работал счетоводом. В тот год выдалась «ужасная засуха» («уот кураан сатыылаабыта»). По совету старого бригадира Федота снарядили небольшое звено сенокосчиков из женщин и подростков на отдаленную речку, группу стариков поставили на заготовку камыша. Так еле-еле удалось обеспечить зимовку скота. Но в середине зимы начали голодать люди, и ничего другого не оставалось, как тайно забить корову и мясо раздать колхозникам, потом вынуждены были использовать часть предназначенного для посева зерна. Об этом стало известно властям, «проговорилась одна из женщин» (*«Үрүмэччи Өрүүнэ диэн бэрт элбэх сангалаах ыанньыксыт дьахтар эт, бурдук үллэстибиттэрин туһунан аяхтатан кэбиспит этэ...»*) [2, с. 19]. Сразу началось следствие, и, хотя всю вину взял на себя бригадир Федот, на Мэхээлэ тоже завели дело. В конце концов по предложению начальника НКВД с Тарабукина сняли бронь, полагавшуюся ему как председателю колхоза. Так он оказался на фронте, почти сразу попал в окружение и стал штрафником.

Их рота участвовала в ожесточенных сражениях под Старой Руссой.

В одном из боев Железнов был тяжело ранен, Мэхээлэ сам отнес его на руках в санчасть. Расставание друзей было по-мужски кратким, но трогательным. Железнов, зная, что будет демобилизован, успел только сказать: «Ты тоже постарайся остаться живым...» (*«Мин этэнгэ буоллахпына аны штрафнойга төннүбэппин. Эн кытаат, тыыннаах хаала сатаа...» – диэн баран өлүүр илиитинэн бүк тардан издэһиттэн уураан ылбыта. Мэхээлэ хараба туманныран, күөмэйэ туох эрэ бүөлүү анньан тугу да булан эппэккэ кииһитин түөһүгэр илиитин ууран ылаат таһырдьаны былдьаспыта»*) [2, с. 29–30].

После ранения Железнова Мэхээлэ, который неважно владел русским языком, ощутил одиночество, но вскоре сблизился с двумя солдатами-сибиряками, особенно после того, как одного из них вылечил от расстройства желудка раствором полыни. Вскоре их роту после пополнения перевели на Орловское направление. Здесь в ходе крупной наступательной операции Мэхээлэ совершил настоящий подвиг. Часть, которой были приданы штрафники, наткнулась на сильно укрепленные оборонительные рубежи. Особенно досаждал возведенный на небольшой высоте дзот с двумя пулеметными гнездами. Один за другим погибли восемь солдат, получивших приказ уничтожить дзот. Девятым оказался рядовой Тарабукин: «... *тохсус кииһинэн Мэхээлэ барарыгар бирикээстэммитэ. Уол оёо уйана-хатана биллэр, күн-хаан туллар кэмэ тирээн кэлбитэ»* [2, с. 31]. Неимоверными усилиями, приложив всю свою смекалку, используя малейшие неровности и расщелины земли, ему удалось доползти до траншеи, вырытой сбоку от дзота. За ее поворотом он наткнулся на нескольких немецких солдат, поглощенных едой. Пользуясь неожиданностью, уложил их одной длинной очередью из автомата. Добравшись до дзота, внезапно распахнул дверь, швырнул внутрь одну за другой две связки гранат и отскочил в сторону. Грянул взрыв, и немного погодя в дверях дзота, пошатываясь, появился чудом уцелевший офицер, он несколько раз выстрелил из пистолета в опешившего Мэхээлэ. Тот, падая, нажал на курок своего автомата и уложил его наповал. Тут же мимо него с криком «Ура!» пробежали солдаты штрафной роты, а их командир, воскликнув «Живой! Живой! Ай, да молодец!», позвал санитаров и приказал отвести в санчасть. К счастью, пули, зацепившие горло и правую руку, прошли навылет, и через месяц он смог вернуться в строй. Щеголеватый капитан Особого отдела снова направил его в штрафную роту. Когда Мэхээлэ вернулся к своим, все удивились, особенно его друзья-сибиряки. Командир роты даже обрадовался его возвращению. Узнав о решении комиссии, все трое адресовали osobистам всю ненормативную лексику русского языка. Да и сам Мэхээлэ был доволен таким отношением своих товарищей: *«Кииһэхэ кыра да наада эбит. Мэхээлэ онтон хайдах эрэ эгди буолбута, тииһэбэр штрафной ротага эргиллэн кэлбитин сирбэт да курдук санаалар кииртэлээбиттэрэ. Манна кинини бары билэллэрэ, бэл, харыстыы сатыыр курдуктара»* [2, с. 34–35].

3 марта 1944 г. стало самым памятным днем для Мэхээлэ. Перед строем роты появился командир дивизии полковник Лаверов. Он командовал рядовому Тарабукину сделать три шага вперед и зачитал приказ о том, что за проявленное личное мужество и боевое отличие ему присваивается звание сержанта, и он переводится в обычную регулярную часть... Мэхээлэ «почувствовал, что его глаза увлажнились и даже дышать стало трудно. Тут его подхватили солдаты и стали качать»: *«Мэхээлэни... саллааттар көтөбөн ылан салгынгга өрүтэ бырабан хачайдаабыттара. Кинилэр үөрбүт-көппүт сирэйдэрин көрөн... кини таннарыахсыт диэн сааттаах дьаралык уһуллубутун, дьэ, итэбэйбитэ»* [2, с. 36].

Но в тот счастливый момент он «не подозревал, что несправедливое обвинение в предательстве будет его терзать до конца жизни»: *«Оччолорго Мэхээлэ... буруйа суоҕар буруйдааммытын кыһыта-абата үйэтин тухары ааспат-арахпат атаҕастабыл кэриэтэ кэрби сылдыабын туһунан сэрэйн да көрбөтөбө»* [2, с.36].

Еще более остро трагическая судьба человека, прошедшего через экстремальные испытания и унижения плена, раскрыта в повести «Предназначение судьбы». По сравнению с повестью «Предатель» автор углубил в ней психологическую сторону состояния личности, много раз оказывавшейся на волосок от смерти.

Эта повесть тоже имеет историческую основу. Призванный в августе 1941 г., главный герой прошел на Дальнем Востоке краткосрочную подготовку и был направлен на фронт. Сам он хотел стать снайпером, но попал во 2-ой кавалерийский корпус генерал-майора Павла Алексеевича Белова, который осенью 1941 г. отличился в битве под Москвой, отбив удар основных сил танковой армии генерал-полковника Хайнца Гудериана. Тогда родилась песня:

*Гнали немцев конники Белова,
Орудийный гром не умолкал.
От Каширы до ворот Венева
Гудериан все танки растерял.*

Поредевшие ряды корпуса Белова пополнили свежие сибиряки. По некоторым данным, под началом легендарного генерала служили около двух тысяч якутов, которых в своих воспоминаниях он назвал «успешными воинами». В состав корпуса входили несколько лыжных батальонов, некоторые из них тоже формировались из якутов. Тогда же якутский поэт И. Д. Винокуров-Чабылжан создал песню «Лыжная» («Хайыһар ырыата»):

*Өстөөх ханна саҕан сылдыар,
Өстөөх ханна хайыһар, -
Ситиэ онно сытыы буулда,
Ситиэ сыыдам хайыһар!*

В январе 1942 г. корпус Белова прорвал линию фронта и совершил рейд по вражеским тылам. Более пяти месяцев его бойцы, находясь в окружении, героически сражались с фашистами. В июне 1942 г. измотанный, но боеспособный корпус вышел из окружения в районе города Кирова. Позднее генерал Белов был назначен командующим 61-ой армией и с ней прошел дорогами войны до Берлина.

С сюжетно-композиционной точки зрения повесть «Предназначение судьбы» построена как воспоминания-рефлексии участника Великой Отечественной войны Алексея Васильевича Андреева. Художественное время произведения охватывает одну ночь и утро следующего дня, когда ему исполнилось 97 лет. При этом временные пласты постоянно переключаются: на несколько мгновений возвратившись в настоящее, он впадает в сон-забытие и погружается в прошлое. Его постоянно преследовал, отзываясь болью в сердце, один момент - момент пленения, когда «ранним дождливым утром их, нескольких безоружных, израненных, обессиленных солдат Красной Армии, окружили немцы»: *«... кэлин сэрии кэмминээбитин санаата да, тобо эрэ наар биир түгэн – билиэн*

түбэһиитэ өйүгэр илэ-бааччы тиллэн кэлэн уйулбатын аймыр, сүрэжин-быарын нүөлүтэр буоллаҕа үһү. Бу билигин эмиз ол сииктээх сарсыарданы санаан кэллэ...» [3, с. 5-6].

Алексей, как и Мэхээлэ Тарабукин, был выходцем из якутской деревни, но, в отличие от него, окончил 7-летнюю школу в селе Майя, затем учительские курсы, успел поработать пионервожатым, учителем начальных классов и считался вполне грамотным человеком. Его даже собирались использовать в качестве писаря в штабе полка, но потом назначили связным. В составе кавалерийского корпуса генерала Белова он тоже участвовал в рейде по вражеским тылам. Но если полк, в котором служил Мэхээлэ, сумел с тяжелыми потерями вырваться из окружения, то небольшую группу раненых бойцов, среди которых был Алексей, не успели забрать из вражеского тыла, и они попали в плен.

Находясь в плену, Алексей много раз оказывался на волосок от смерти. Первое время он едва держался на ногах, и мог двигаться только благодаря товарищам по несчастью, которые поддерживали его с обеих сторон, а упавших тут же пристреливали. Их привели в лагерь для военнопленных в городе Вязьме. Алексея поместили в небольшое здание, которое называли лазаретом. Выяснилось, что это было отделение для смертников. На одном топчане лежали по два человека, подстилкой служила собственная шинель, укрывались ею же. Кормили раз в день какой-то бурдой, именуемой супом, и давали 100 грамм хлеба. Никакого лечения не было, даже перевязку не меняли. Соседом оказался уроженец Сибири. Как-то утром Алексей заметил, что «он не дышит, а на его шинели буквально кишат целые полчища вшей и ползут в его сторону»: *«Өйдөөн көрбүтэ, кинитин быттара бүтүннүү тахсаннар, сапта сытар синиэлин таһыгар кыйма курдук хаамса сылдьаллар... Ол аата киниэхэ көһөн эрэр дьүһүннэрэ эбит...»* [3, с. 54]. Этот натуралистический эпизод тоже крепко врезался в его память.

Как только Алексей «погружался в сон-забытье, он оказывался у себя на родине»: *«...санаа көстүбэт кынаатыгар уйдаран кый ыраах Сахатын сиригэр, төрөөбүт түөлбэтигэр тиийэрэ»* [3, с. 15]. Однажды во сне он оказался в знакомом аласе, среди которого был виден амбар без окон и дверей, оттуда слышались женский плач и стенания. Этот странный сон о несчастной Софье, заточенной в глухой амбар, приснился ему как напоминание о фашистском плене. В другой раз ему привиделась удаганка Татыйаас, которая отличалась добрым нравом, обладала даром целительницы и в состоянии транса предсказывали будущее. Однажды она поведала, что сын Василия Андреева вернется домой живым. В связи с мотивом сновидений писатель справедливо заметил, что современная наука «еще не раскрыла до конца все тайны человеческого мозга»: *«Кини мэйиитин кистэлэнгин үөрэхтээхтэр күн бүгүнүгэр диэри таайа иликтэр дишлэр...»* [3, с. 49]. В частности, по его мнению, смертельные испытания и чудовищные унижения отражаются на личности большинства людей: они лишаются жизненной силы, изменяется весь их облик. Алексей, напротив, сохранил волю к жизни, его нрав не изменился. Действительно, как показал автор, Алексей «всеми силами, цепляясь за каждую соломинку, продолжал бороться за жизнь»: *«... сап саҕаттан салҕанан, ситии саҕаттан иннэн, өлбөккө сыл тахсыбыта»* [3, с. 59].

По мере наступления советских войск пленных переводили все дальше на запад: в Белоруссию – Латвию – Эстонию. Их заставляли работать на разгрузке боеприпасов, заготовке торфа, добыче нефти. Некоторые пытались бежать, но их ловили эсэсовцы с собаками и ставили к стенке. В одном из лагерей Алексей встретил своих земляков – Илью Кузьмина из Амги и Ивана Иванова из Верхневилуйска, и они стали держаться вместе.

Тем временем распространились слухи об открытии второго фронта, самолеты союзников начали бомбардировать немецкие города. Однажды с западной стороны послышался шум мощных моторов. Это были танки и боевые машины американцев. Увидев их, пленники с криками «Ура!», «Свобода!», «Свобода!» бросились навстречу. Алексей с товарищами тоже с возгласами *«Быһанньыт... Быһанньыт!»* стали

обниматься друг с другом. Но настоящую радость он ощутил, когда до них «дошли вести о Победе»: «Өлөксөй өйдүүн-санаалыын, сүрэхтиин-быардыын бүүс-бүтүннүү умайан, уулан барых айылаага...» [3, с. 71].

После томительного ожидания союзники доставили их в советскую зону. Там объявили, что не хватает транспорта и что до границы нужно добираться пешком. Алексей шел вместе с земляками, по вечерам у костра они коротали время, разговаривая о родине, о прошлой жизни, о родных. Так они шли около месяца до границы, прошли проверку НКВД, потом их распределили по рабочим батальонам. Алексей целый год проработал в угольном разрезе в городе Шахты и, наконец, в июле 1946 г. был демобилизован. Как он добирался домой – сначала на крыше вагона, далее на грузовой машине, потом на пароходе, а в селе Майя его встретил отец на быке, – это отдельная история...

Так, погрузившись в «былое и думы», старик «снова задремал под тиканье настенных часов»: «Обонньор, итинник ааспыт саны сытан, эмиэ нухарыйан барда. Уу чуумпу хос өссө эбии иһийбиккэ дылы буолла. Арай истиэнэбэ турар чаһы иһиллэр иһиллибэттик «тик-тик, тык-тык, так-так» тыаһыыр...». И «так же тихо стучало и замирало его усталое сердце...» [3, с. 92].

С осени Алексей приступил к работе учителем, и, хотя он очень старался, «долгое время к нему относились настороженно»: «Үлэтигэр ис сүрэбиттэн ылсан, кыһаллан үлэлээбитэ. Ол үрдүнэн үгүстэр өр кэмнэ кинини эрэммэт курдук тутталлара» [3, с. 88]. Когда его старший брат Никита Васильевич Андреев, работавший председателем райсовета в Среднеколымском районе, был выдвинут кандидатом в депутаты Верховного Совета СССР, в обком партии поступил анонимный протест, а начальник КГБ заявил, что проверит по своим каналам дело его брата, находившегося в плену. Но, как бы то ни было, в 1965 г. ему торжественно вручили юбилейную медаль в честь 20-летия Великой Победы, и вскоре он получил удостоверение участника ВОВ.

Так Алексей Васильевич Андреев выдержал все удары судьбы. Он узнал радость освобождения из немецкого плена. Трудно с чем-то сравнить радость возвращения на родную землю. Но «все же самая великая радость для человека – это признание его доброго имени и чести»: «Дьингэр, орто дойдуга олорон ааһар хас биирдии киһиэхэ саамай кылаабынайа ол ээ – эн киһи быһыытынан чизэскин, үтүө ааккын билинии...» [3, с. 98]. Эти выстраданные героем мысли получили воплощение в эпиграфе к повести:

*Киһи хаһан баҕарар
Киһинэн эрэ буолууй -
Олох ханнык да бэйэлээх
Охсууларын эн тулуй! (Василий Саввин)*

Еще одна повесть Д. Макеева «Братья», посвященная Великой Отечественной войне, носит документально-художественный характер. В ней воспроизводится военная одиссея трех родных братьев: двое старших, Иннокентий и Петр Аргуновы были призваны в августе 1941 г. и прошли через горнило первых лет войны. Их младшему брату Николаю Макееву восемнадцать лет исполнилось в 1943 г., и он тоже был призван на фронт. Прототипами братьев явились родные дяди и отец самого писателя. Повествование строится от имени автора. Состоит повесть из чередующихся эпизодов, в каждом из них говорится об одном из братьев. Отдельные эпизоды, ставшие самостоятельными рассказами – «Три минуты» («Үс мүнүүтэ»), «Одинокий свидетель войны» («Атырдыах сэргэ»), – вошли в повесть.

Немногими штрихами, без всяких прикрас писатель показал состояние людей, призванных на защиту Родины от жестокого врага. Большинство из них впервые покидало родные места, причем некоторые даже не владели русским языком. Все понимали, что многим не суждено вернуться обратно, но держали свои чувства в себе. Лишь во время краткой остановки на краю наслега они вырезали свои инициалы на старом сэргэ-коновязи с раздвоенным верхом, поставленном некогда двумя братьями, решившими навсегда

расстаться. Автор использовал элементы «местного колорита» с указанием реальных топонимов, привел ряд легенд и преданий, чтобы передать эту атмосферу прощания.

На фронте братья Аргуновы оказались в разных подразделениях. Первым попал на передовую старший брат Иннокентий, получивший боевое крещение под Ясной Поляной. Как пулеметчик, он отличился в бою с немецкими разведчиками и получил благодарность командования. Петр с маршевой ротой вскоре тоже выдвинулся на передний край, в какой-то момент в проходящей мимо колонне солдат он увидел Иннокентия и, сначала остолебнев от неожиданности, окликнул его. Тот от удивления остановился, потом, получив разрешение от командира, вышел на обочину. За три минуты братья ничего толком не сказали друг другу, Петр успел только сунуть Иннокентию свою долю махорки и крепко пожать ему руку. В одном из боев он тоже сумел отличиться: вынес раненого товарища и поджег мельницу, в которой засели фашисты.

Потом они один за другим получили тяжелые ранения и, после долгого лечения, были демобилизованы летом 1943 г. Их младший брат Николай воевал на Восточном фронте и после капитуляции империалистической Японии тоже живым вернулся на родину.

В активе Д. Макеева есть также ранняя повесть с почти детективным сюжетом – «Проклятый клад». В ней нашли отражение структурные и образно-тематические компоненты, повторяющиеся в последующем творчестве писателя. В частности, сюжет повести, как и многих других его произведений, построен на принципе испытания главного героя, подверженного золотой лихорадке. Кольцевая композиция повести связана с горькими переживаниями его старого отца, который раскаивался в том, что раскрыл младшему сыну тайну золотого клада. В свою очередь Иннокентий тоже был подвержен рефлексии: во время своего одиночного похода в тайге он вспоминал такие странные феномены якутского сознания, как «бэриэччит» и «кэритии». Вообще он верил в наличие некоего «иного мира, недоступного для обычного человеческого восприятия» [4, с. 24]. По его мнению, считать, что «этот мир населен только людьми и иными живыми существами неверно» [4, с. 25]. Наконец, автор создал в этой повести панегирик силе и выносливости якутской лошади: «Саха сылыгыта барахсан тулуура, дьэ, кырдьык, сүрдээх эбит. Ол да иһин былыр өбүгэлэрибит бу үлүгэрдээх киэн сиритэй аан олохсуйдахтара буолуо» [4, с. 25-26]. Не случайно ее образ окружен особым пиететом в олонхо и искусстве.

Что касается рассказов Д. Макеева, то прежде всего обращает на себя внимание разнообразие внутрижанровых модификаций в малой прозе писателя. Если принять за основание для ее классификации проблемно-тематический критерий, то целесообразно выделить следующие типы:

- рассказы о Великой Отечественной войне («Три минуты», «Старик Матаа», «Глаз лошади», «Одиноким свидетелем войны»);
- нравственно-философские рассказы («За четверть века», «Старики», «Чайки», «По благословенному пути», «В охотничьей избушке»);
- психологические рассказы («Отец невестки», «Осенние дни», «Спор между умом и сердцем», «Бабушкина сережка», «Телеграмма»);
- охотничьи рассказы («Лук-самострел», «Медведь-токсикоман», «Не выдержавшие славы», «Встреча с медведем», «Первая утка»);
- рассказы о животных («Щенок», «Слепая кошка», «Бедная косуля»);
- рассказы с комическим элементом («Горностай, ставший привидением», «Tefal, ты всегда думаешь о нас», «Свинья, предназначенная на убой»);
- рассказы с мистическим элементом («Дух покойника», «Проделки «чечёккэ», «Горностай, ставший привидением»);
- рассказы с трагическим элементом («В дороге»);
- рассказы с криминальным элементом («Следы на снегу», «С помощью мыши», «Похитители коровы»).

В случае классификации по типу повествования выделяются, наряду с традиционным повествованием от имени автора, рассказы-монологи («На пригорке», «Мертвый таракан»), рассказы-диалоги («За четверть века», «Ножка от стола и разбитое окно»), рассказы-воспоминания («Сосулька»), «рассказы в рассказе» («Щенок», «Медведь-токсикоман»).

По «объему» (градации) сюжетности тоже можно выделить, во-первых, «бессюжетные» рассказы, хотя в принципе любое произведение, в том числе лирическое, имеет сюжет, но он имеет разный объем сюжетики, то есть в данном случае речь идет о «нулевом» объеме сюжетности, как, например, в рассказе «На пригорке». Во-вторых, фабульные рассказы с выраженным сюжетом и неожиданной новеллистической развязкой («Отец невестки», «Бабушкина сережка»).

В свою очередь категория сюжета, с одной стороны, может непосредственно выражаться через внешние события или действия. Например, такой характер носит сюжетостроение в охотничьих рассказах «Лук-самострел», «Медведь-токсикоман», «Не выдержавшие славы», «Встреча с медведем». С другой стороны, сюжет может носить внутренний характер и проявляться путем воссоздания потока мыслей и чувств в сознании и подсознании персонажа. Такой тип сюжета наблюдается в рассказе «Осенние дни», героиня которого учительница Валентина находится в минорном настроении из-за разрыва с женихом. Она чувствует, что ее разочарование влияет на душевное состояние матери и ребенка, но никак не может пересилить себя. Содержательный характер носит в рассказе пейзаж: «После хмурых, осенних дней небо прояснилось, выглянуло полетному яркое солнце и осветило луга с пожелтевшей травой, березки с голыми ветвями, лиственницы с опавшей хвоей» (*«Хас да хонугу быһа былытыран лүнкүрэн турбут халлаан халлан, билигин да сайынгылыы чабылхай күн уота хагдарыйбыт оттоох сыһылары, сэбирдэхтэрэ суйдаммыт хахыйахтары, көтөбөлөрө түспүт тииттэри кууспаҕалаата»*) [4, с. 91]. Погрузившись в собственные мысли, Валентина шла вслед за этим светлым «сиянием», будто хотела догнать эти летние дни, прошлые времена, и внезапно, вспомнив свою спящую дочку, чмокающую во сне губами, повернулась и помчалась обратно. Сейчас она принесет домой своим самым близким людям это «сияние» солнечного дня, и отныне в их доме поселится радость и душевное тепло. С героиней рассказа происходит то, что в английской литературе называют «эпифанией», то есть неким психологическим актом «озарения», когда человек внезапно постигает скрытую сущность вещей и явлений.

Поводом для «эпифании» может служить не только сложный ассоциативный психологический процесс, как в рассказе «Осенние дни», но и какой-то обыкновенный факт, простая деталь. Так случилось с героем рассказа «Бабушкина сережка», молодым парнем по имени Нюргун, которого жестоко избили пьяные хулиганы. В результате полученных травм он потерял память, ничего не помнил, даже свое имя, не мог говорить. Курс лечения помог ему начать самостоятельно передвигаться, одеваться, кушать, но не привел к улучшению психологического состояния. Однажды его мать, прибираясь по дому, уронила маленькое берестяное ведро, в котором хранились мелкие вещи. Они рассыпались по полу, и сидевший на диване Нюргун поднял одну из них. Он стал ее внимательно рассматривать и потом неуверенно произнес: «Ба-ба-бабушкина сережка...». Мать от неожиданности оторопела и немного погодя осторожно прошептала: «Нюргун, ты что сказал?». Когда Нюргун, глядя на нее, более уверенно повторил: «Э-э-эбэм ытарҕата», из ее глаз хлынули слезы и, обняв его, заплакала навзрыд. Сын, который до этого не реагировал на ее поцелуи и объятия, стал гладить ее рано поседевшую голову и утешать. С трудом успокоившись, она взглянула на Нюргуна и увидела в его полных слез глазах «искры жалости, любви и радости»: *«Нэһиилэ уоскуйан уолун утары көрбүтэ уунан толору бычальбыт харахтарыгар аһыныы, таптал, үөрүү кыыма тырымныы умайарга дылы буолбут...»* [2, с. 122].

Сюжеты большинства рассказов Д. Макеева, как и его повестей, построены на принципе испытания. Герой одного из лучших рассказов писателя «Глаз лошади» служил на фронте ездовым в артиллерийской части. Василий должен был присматривать за лошадьми, а во время боя подвозить снаряды. Через его руки прошло множество лошадей, так как они часто погибали. При мобилизации с ним был конь Улаанай, которого он сам объездил, приучил к седлу и саням, выжег на его бедре печать «КП» («Красный пал» - название колхоза). Улаанай признавал хозяином только его. Когда они расставались на станции, Василий сам завел его в вагон. Конь «весь дрожал, исходил потом, из его синеватых выпуклых глаз падали крупные прозрачные капли...» («Ата эт-этэ салыбырас буолуор диэри куттаммыт, уу чаккырас буола тириппит этэ... Буспут сугуннуу көбөрүмтүйэн көстөр бүлтэспит харахтарыттан бөп-бөдөн, ып-ыраас таммахтар мөлбөрүһэн түспүттэрэ») [5, с. 8]. У Василия тоже слезы брызнули из глаз, и «когда он, поспешно прыгнув с вагона, побежал к своим товарищам, сзади слышалось жалобное ржание Улааная» («Онтон вагонтан ыстанан түһэн тэйиччи собус турар дьонугар сүүрэн истэбинэ, кэннигэр Улаанай сайыһан кистээн дырылатара иһиллибитэ») [5, с. 8].

В июне 1944 г. часть, где служил Василий, дошла до Белоруссии. Их вывели в тыл для пополнения и отдыха. Когда ездовые отправились присматривать новых лошадей, взгляды Василия остановились на коне белой масти, который дремал, опустив голову. Вдруг он увидел на его бедре печать «КП», и в его груди что-то оборвалось. Не веря увиденному, он обмер, потом потихоньку шагнул в сторону коня, который «поднял голову, расширил ноздри, внезапно стал вертеться и вставать на дыбы, потом очень жалобно заржал» («ат, киһи чугаһаан кэлбитигэр төбөтүн өрө көтөхпүтэ, таныытын тартаннаппыта, онтон эмискэ өрө холоруктуу түспүтэ, олус уйаҕастык кистээн дырылаппыта») [5, с. 12]. Василий почувствовал, «как слезы хлынули из глаз, все вокруг заколыхалось...», раскинув обе руки, спотыкаясь, он бросился к коню и обнял за голову. Улаанай стал тереться носом о его грудь, клал голову то на правое, то левое плечо, мягкими губами касался его мокрого лица и от радости взбрыкивал на месте...» («Баһылай харабын уута халыс гына түспүтэ, тула өттө хайдах эрэ күөгэлдьийэн ылбыта... икки илиитин быластаабытынан... умса бүдүрүйтэлээн тиийэн, аты төбөтүттэн кууһа түспүтэ. Улаанай иччитин түөһүгэр төбөтүн аалыммахтаан, уһа-ханас санныгар хардары-таары сынаабын уурбахтаан, эмиэ да сып-сымнаҕас уоһунан ибис-инчэбэй буолбут сирэйин сууралаамахтаан ылбыта. Үөрбүтүн омунугар биир сиргэ өрө бэдьэңгэли турар буолбута») [5, с. 12].

Василий все свое время проводил около Улааная. Эти несколько дней были для него самыми памятными и счастливыми за все годы войны. Но это продолжалось недолго. В один из вечеров их дивизион подняли по тревоге и приказали выдвинуться на передовую. Прямо на их позиции двигалось порядка десяти танков. Василий запряг в повозку Улааная и помчался за снарядами. Быстро загрузившись, он снова повернул коня к переднему краю. Когда они почти добрались до батареи, рядом взметнулся столб земли, и он провалился в темноту... Очнувшись лежа на спине, Василий краем глаза заметил слева от себя «перевернутую телегу с медленно крутившимся задним колесом». С трудом повернув голову, он увидел рядом Улааная «с закушенным языком и окровавленной шеей, к его потускневшему глазу прилипли крупинки песка...». На второй день Василий пришел в себя в полевом госпитале. Сначала он не понял, где находится, потом перед его глазами появились «медленно крутившееся колесо и потускневший глаз Улааная с прилипшими песчинками...».

После войны, вплоть до глубокой старости, когда Василий сильно уставал или заболел, ему снились это «крутящееся колесо и глаз коня с прилипшими песчинками» («сэрии кэнниттэн, адьас кырдьыар диэри улаханлык илиһиннэбинэ, ыарыйдабына, түһээн мэлдьи эргийэн хаадыангыр көлүөһэни уонна кумах сыстыбыт атын харабын көрөр этэ...») [5, с. 16].

Герои Д. Макеева проходят испытание не только в военное, но и в мирное время. Так, герой одного из рассказов охотник Басылайкан, будучи зимой в отдаленной тайге, оказался, казалось бы, в безвыходном положении (*«барар сирэ баџана үүтэ, кэлэр сирэ кэлиш үүтэ буолан сыттаџа»*) [2, с. 133]. Он тяжело заболел и выехать в поселок не мог, так как замерз бы по дороге, да и его «Буран» не отличался надежностью. Басылайкан сам поставил беспощадный диагноз – аппендицит и решил до конца бороться за жизнь – самому сделать себе операцию. С трудом заготовив дрова на пару дней, он стал готовиться: вскипятил в лакированной миске воду, бросил туда прочные нитки и согнутую иглу, зажег несколько свечей, нагрел докрасна острый нож, смазал йодом низ живота, принял дозу спирта и зажал в зубах деревянную ложку... Далее следует фигура умолчания. Назавтра вокруг все было тихо, а «на рассвете следующего дня из трубы показался белый дымок как свидетельство победы жизни»: *«Онтон өйүүннүтүгэр халлаан эмиэ бүдүк-бадык сырдаан эрдэџинэ, үүтээн турбатыттан үрүг буруо тыргыллан тахсан, манна эмиэ олох баарын туюһулуурдуу, өһө быһыытыбыт сулустарга таласта»* (*«В охотничьей избушке»*) [2, с. 134].

Особенностью характерологии Д. Макеева является пристрастие к необычным, особым персонажам, живущим по зову сердца, делающим все по велению души. Станные, чудаковатые герои встречались в классической русской литературе, в произведениях Л. Толстого, А. Чехова, М. Горького. В литературе 20 века особенно выделялись «чудики» В. Шукшина. В творчестве якутского писателя одним из таких персонажей является Дюлээйка (от якут. дьүлэй – глухой) из рассказа «Свободный человек». Это был обиженный от природы человек, от рождения страдавший глухотой. Народ любил его за доброту, бескорыстие и открытость. У него не было семьи, постоянной работы, жил он на дары природы, которую всячески чтит, охранял, брал только самое необходимое. В начале рассказа «зелень листвы, запах лиственницы» (*«от-мас барыта көџөрөн, ойуур иһэ мутукча сытынан дыргыйан»*) создают ольфакторную атмосферу, затем по контрасту к недугу героя с помощью «пения птиц, кукования кукушки, шелеста ветвей» возникает звуковая картина мира: *«Сиккиэр тыалга оргууй суугунаһар тииттэр... ханна эрэ тиит чыпчаалыгар тохтоло суох... иһиирбэхтиир чыпчаахтар... Ыраах, тыа саџатыгар кэџэ этэн чоргуйара...»* [2, с. 53-54]. Еще один символический образ, подчеркивающий «особенность» Дюлээйки – «одинокая сосна на опушке леса»: *«... бу хантан эрэ ойдон кэлэн үүммүт соботох бэс баар. Күн уотугар чүмэчи курдук ыыс араџаһынан саһарар умнастыын, кылаан чыпчаалыгар хоп-хойуу будьурхай лабаалыын бу ойуур мастарыттан чынха атын»* [2, с.55]. Образ Дюлээйки вполне может быть воспринят в русле донкихотовской традиции мировой литературы.

Другой «особенный» герой появляется в рассказе «Сверстники». Призванный на фронт Мэхээчэ не отличался ни ростом, ни силой. Он страдал нервной болезнью (нарколепсией) и испытывал приступы непреодолимой дневной сонливости и ночной бессонницы. Очередной приступ внезапного засыпания настиг его на вокзале в Иркутске. В результате Мэхээчэ отстал от эшелона и к тому же, пока дремал, похитили его котомку с документами и кое-какими деньжатами. Не зная ни слова по-русски, метался вокруг вокзала, пока не понял, что остался совершенно один без средств на существование. Не умевший воровать, он был вынужден заниматься попрошайничеством, но бедных калек и нищих стариков хватало и без него. Часто ему приходилось обходиться без куска хлеба и довольствоваться лишь водой из крана. Так «проходили дни один за другим. Мэхээчэ превратился в грязного, оборванного бродягу, на которого никто не обращал внимание»: *«Ити курдук күнтэн күн ааһан истэ. Мэхээчэ сууммакка-тарааммакка, аанньа аһаабакка, ийэлээх аџата да билбэт киһилэригэр, илдьирийбит танастаах умнаһыкка кубулуйан хаалла...»* [3, с. 130]. Во сне он «часто оказывался на родине, причем в самый разгар лета»: *«Сороџор түһээн дойдутун көрөр. Тобо эрэ наар сайын үгэнигэр тийэ сылдьар, сибэкки арааһын быһыһыгар турар уонна хайаан да үрүмэччилэр тэлээрингнэллэрин көрөр. Уһуктан кэлэн, төрүт атын сиргэ сытарыттан хомойон ытаан муннанаар...»* [3, с. 131]. Так, цепляясь за каждую

соломинку, преодолев все мытарства судьбы, Мэхээчэ чудом уцелел и дождался Дня Победы. На его счастье он случайно встретил своих земляков, вместе с которыми был призван на фронт и отстал от них в Иркутске. Теперь они возвращались домой как победители и смогли не без приключений сопроводить его до родного наслега. Ступив на родную землю, Мэхээчэ «рухнул на траву и от избытка чувств тихо заплакал»: «... төрөөбүт кытылыгар үктэнээт, сүһүбэ уйбакка бокус гынан күөх окко тобуктуу түстэ. Икки харабын уута бычалыйан табыста, күөмэйин түөх эрэ бүөлүү анньан кэбистэ. Оргууй умса түһэн, күөх оттоох кырыгы сыллы-сыллы ытаан санна илибирээн барда...» [3, с. 142].

В традициях русской литературы Д. Макеев обращает пристальное внимание на простых, «маленьких» героев. Особенно частотными фигурами в его произведениях являются образы стариков, прошедших испытание войной, как Алексей из повести «Предназначение судьбы» или старик Матаа из одноименного рассказа; как спасшие людей от голода в годы войны бригадир Федот (повесть «Предатель»), рыбаки Афанасий и Евсей (рассказ «Сосулька»). С явной симпатией изображены сделавшие непростой нравственный выбор Маайа и Ньюкулай (рассказ «Старики»), решивший встретить День Победы в родном аласе Егор (рассказ «В Кюммюгэ»), полная радостного ожидания детей Маайа (рассказ «Телеграмма»). Мягким юмором окружены попавшие впросак герои новеллы «Горностай, ставший привидением» бывший «блестящий пионер, пламенный комсомолец, негибаемый коммунист» («чабылхай пионер, төлөннөөх комсомолец, булгуруйбат хомунуус») Баһылай и его жена Маарыйа.

Даже среди анималистических персонажей писателя часто встречаются слабые, больные щенки («Ыт оҕото»), слепые кошки («Хараба суох куоска») и телята («Хараба суох»), испытывавшая стресс косуля («Кута ыстаммыт»), медведь-токсикоман («Итириксит эһэ»).

В арсенале Д. Макеева такие традиционные для русской литературы художественные приемы, как фигура умолчания (рассказы «В охотничьей избушке», «Старики», «Горностай, ставший привидением»), «открытый финал» («Мертвый таракан», «По благословенному пути», «Отец невестки», «Бабушкина сережка», «Сосулька»), пейзажная увертюра для создания определенной атмосферы («Три минуты», «Осенние дни», «Спор между умом и сердцем», «В дороге», «Свободный человек»).

Из характерных для якутской литературы принципов изобразительности можно выделить мотив сновидения, фольклорные образы, звукопись, а также образную анималистику и ее разновидность птичью символику. Так, сны часто видели Иннокентий, герой повести «Братья», когда ему удавалось урывками уснуть в промежутках между боями, и переживший плен Алексей Васильевич из повести «Предназначение судьбы». В них они чаще всего оказывались на родине, что свидетельствовало об их высоком психоэмоциональном напряжении и тоске по мирной жизни.

Примером содержательного использования старинного предания о несчастной якутской красавице, лишившей себя жизни, когда родители решили выдать ее за богатого старика, может служить рассказ «Спор между разумом и сердцем», герой которого испытал жизненную драму. Также удачным представляется применение поговорок и пословиц в следующих рассказах:

- «... барар сирэ бабана үүтэ, кэлэр сирэ кэли үүтэ буолан сыттаба» («В охотничьей избушке»);
- «Ийэ сүрэбэ – оҕоҕо, оҕо сүрэбэ – тааска...» («Телеграмма»);
- «Ньюкуус... олоҕор саамай суолталаах, киһи дуу, киһи дуу буолар түгэнэ тиийэн кэлбитин курдук санаабыта» («Сосулька»).

Образец использования приема звукописи находим в рассказе «Встреча с медведем», в котором автор мастерски воспроизвел звуки живой природы: «Быйыл кус тоҕо эрэ абыйах. Хам-хаадьаа «кыып-хаап» диэн хаһытаһан хоптодор кэлэн ааһыталыыллар. Ханна эрэ атыыр чыркымай «чурус-чурус» диир иһиллэр... Чөкчөҥөлөр бэйэ-бэйэлэрин

эккирэтиһэн адьас ууну кырсынан айманан кэлэн ааһыталыылар. Ол быһыыгар хомус сабатыгар түһэннэр салгыбакка «куллуруут-иллириит, куллуруут-иллириит» диэн тохтоло суох куталлар-симэллэр» [2, с. 82]. И вообще так называемая «птичья» образность часто встречается в произведениях Д. Макеева. В рассказе «Чайки» поведение птиц уподобляется матримониальным взаимоотношениям людей. В повести «Предатель» «свист пуль» сравнивается с «птичьими голосами» («Үрдүлэринэн баһаам үгүс үөрдээх чооруос чыычаах ааһарыны буулдьа тыаһа чубугуруу түспүтэ») [2, с. 25]. Комичная поза героя рассказа «Горностай, ставший привидением» изображается посредством сравнения с положением караульного гуся («Истибитин итэбэйбэккэ адьас хамсаабакка, харабыл хаас курдук хонйуобунан хонйон баран олорто») [2, с. 75]. Маленькое озерцо в рассказе «Глаз лошади» сравнивается с «журавлиным глазом» («туруйа харабын саба быыкайкаан көлүччэ») [3, с. 103]. Неграмотных, не знавших ни слова по-русски якутов, оказавшихся среди пламени войны, автор сравнивает в рассказе «Сверстники» с «заблудившимися утятами» («Нууччалыы биир да тылы билбэт саха дьоно, сэрии уот будулбан силлиэтигэр түбэхэн, муммут кус оботун курдук буолбуттара») [3, с. 143].

В ряде рассказов писателя получили воплощение автобиографические мотивы из детских лет («Первая утка», «Дух покойника», «Дар Байаная»), школьной («Моя учительница», «День русского языка») и студенческой жизни («Ножка стола и разбитое окно», «Самый красивый гол!»).

Заключение

Д. Макеев пробует себя и в других разделах литературного творчества. В 2019 г. увидела свет предназначенная для детей повесть в рассказах «Летние приключения Санчика» («Саанчык сайынны быһылааннара»), а в книгу «Встреча в пламени войны» включены его опыты в художественном переводе. Надо отметить, что для переложения на якутский язык отобраны высокохудожественные тексты из русской классики (произведения И. Бунина, В. Шукшина), из татарской (А. Халим, М. Гаспаров, С. Раев, Р. Галиуллин) и юкагирской литературы (Г. Дьячков).

Таким образом, Д. Н. Макеев, автор мастерски написанных повестей и рассказов, относится к числу самых талантливых современных якутских писателей. Можно ожидать, что он создаст крупные эпические произведения о теме Великой Отечественной войны, которая хотя и превратилась из конкретно-исторической в историко-нравственную, служащую источником национального опыта и памяти, а также критерием человеческих и общественных ценностей, но еще окончательно не «отстоялась». Тем более что события последних лет придают этой теме новую актуальность.

Л и т е р а т у р а

1. Луков, В. А. История литературы. Зарубежная литература от истоков до наших дней : учебное пособие для студентов высших учебных заведений, обучающихся по специальности "Культурология" / В. А. Луков. – [4-е изд., испр.]. – Москва : Academia. 2003. – 510 с.
2. Макеев, Д. Н. Атырдах сэргэ: сэхэннэр, кэпсээннэр / Данил Макеев. – Дьокуускай : Бичик, 2014. – 189 с.
3. Макеев, Д. Н. Ат хараба : сэхэн, кэпсээннэр / Д. Макеев ; [А. Баишев ойуулар]. – Дьокуускай : Ридер, 2016. – 144 с.
4. Макеев, Д. Н. Кырыыстаах кылаат : сэхэн, кэпсээннэр / Д. Макеев ; [А. К. Попов, Д. Н. Мухин уруһуйдара]. – Дьокуускай : Бичик, 2008. – 92 с.
5. Макеев, Д. Н. Кыргыс толоонугар көрсүһүү: кэпсээннэр, тылбаастар / Данил Макеев. – Дьокуускай : Айар, 2022. – 240 с.

References

1. Lukov VA. History of Literature. Foreign Literature from the Origins to the Present Day: textbook for students of higher educational institutions, studying in the specialty "Cultural Studies". 4th edition, revised. Moscow: Akademia. 2003:510. (In Russ.).
2. Makeev DN. *Atyrdyakh Serge*: novels, stories. Yakutsk: Bichik. 2014:189. (In Yakut).
3. Makeev DN. *At haraҕa*: novels, short stories. Yakutsk: Rider. 2016:144. (In Yakut).
4. Makeev DN. *Kyryysaakh kylaат*: novels, stories. Yakutsk: Bichik. 2008:92. (In Yakut).
5. Makeev DN. *Kyrgys toloonugar kersyhyy*: stories, translations. Yakutsk: Ayar. 2022:240. (In Yakut).

БУРЦЕВ Анатолий Алексеевич – д. филол. н., профессор кафедры русской и зарубежной литературы филологического факультета, Северо-Восточный федеральный университет имени М.К. Аммосова.

E-mail: anatoly_burtsev44@mail.ru

Anatoliy A. BURTSEV – Dr. Sci. in Philology, Professor, Department of Russian and Foreign Literature of Faculty of Philology, M.K. Ammosov North-Eastern Federal University.

БУРЦЕВА Марина Анатольевна – к. филол. н., доцент кафедры восточных языков и страноведения Института зарубежной филологии и регионоведения, Северо-Восточный федеральный университет имени М.К. Аммосова.

E-mail: donnarosa36912@mail.ru

Marina A. BURTSEVA – Cand. Sci. in Philology, Associate Professor, Department of Oriental Languages and Area Studies, M.K. Ammosov North-Eastern Federal University.